

Начало 80-х. Москва. Август. Жара.

Мальчишке едва исполнилось семнадцать. Он бежит, обгоняя редких в жару прохожих. Он никуда не опаздывает. А бежит потому, что не может просто идти. Его переполняет счастье. Большие синие глаза распахнуты в мир. Они смеются. Они впитывают в себя эти площади и проспекты. Эти дома и пузатые троллейбусы. Теперь это его город, его троллейбусы! Он мог бы взлететь, но почему-то не задумывается об этом и продолжает бежать, не чувствуя усталости и не задыхаясь.

Если бы вы видели! Если вы помните! Как хороши, как прекрасно молоды были сталинские дома, величаво обрамлявшие широкие пустынные проспекты, звёздными лучами расходящиеся от Кремля и теряющиеся в полуденном зное горизонта. Это была и их юность тоже! Свободная от пробок, от точечной застройки, от кичливых иномарок. Милые сердцу «жигулята», гордые «Волги», трудяги «зилки» — вот кто неспешно катил по чистым ещё артериям юного города. Юного, потому что Черёмушки считались новостройкой. Потому и назывались Новыми. И в этих новостройках давали новые квартиры передовым рабочим. А как же! А кому же ещё? А чьи же окна смотрят на проспект, по которому в открытой машине прямо из космоса проехал, на весь мир блестя знаменитой белозубой, чуть смущённой улыбкой, Гагарин? Да вот и памятник

ему. Это, должно быть, настоящие небожители. Из этих окон до звёзд, верно, совсем недалеко. Потянулся чуть-чуть — и уже гладишь звезду. Ну, если не Полярную, то кремлёвскую точно.

Новое пьянящее чувство причастности переполняло сердце. Продукт советской системы, мечтавший изменить мир к лучшему, он был лишён даже капли меркантильности. Деньги не интересовали мальчишку. Двадцать копеек на мороженое — вот счастье! Но если у друга нет двадцати копеек, то съедим мороженое на двоих или троих, откусывая по очереди. Какая разница — всё равно мало. Мороженого не может быть много. Это аксиома. И от этого оно такое вкусное. А ещё потому, что сливочное. Настоящее сливочное. И если ты вечно голоден, потому что растёшь, потому что спортсмен, то сливки — это то, что тебе надо. Это же так просто.

Он покори́л этот город! Это невозможно! Невероятно! Но это факт! Он поступил в МГУ! Пусть не на дневное, на вечернее — какая разница! Он будет здесь жить, работать и учиться! Как — кем, где? Не имеет значения. И дело даже не в том, что он выдержал первый серьёзный экзамен в своей жизни, дело в том, что Москва, МГУ наяву оказались даже лучше, чем в мечтах. Как такое может быть? В юности может!

— Грузчики? Грузчики нужны. Школу окончил? Давай документы. Так, Роман Александрович, аттестат — золотая медаль, ничего себе. Я, сколько работаю, ещё не встречала грузчиков с золотыми медалями. Теперь паспорт.

Семнадцать исполнилось месяц назад. По трудовому кодексу можем брать. Стоп! Так у тебя же прописки нет! Нет, не можем, — толстая тётка с сожалением протянула документы обратно. Это была уже пятая или шестая организация за день.

— Что же мне делать? Мне дали два дня в МГУ, чтобы я устроился на работу с лимитной пропиской. Иначе меня не примут на вечернее, — в голосе было отчаяние.

Тётка сжалилась — у неё рос такой же шалопай, но он вовсе не горел желанием работать грузчиком, да и вообще работать, честно говоря, как, впрочем, и учиться. А этот надо же какой упорный. Худенький, кожа да кости, а туда же — грузчиком. Ну да, он же из этой... как её... Пензы. Иногородние — они страсть какие настырные, через асфальт прорастут. Мёдом им тут намазано что ли. Москва — она же не резиновая. Ну да ладно, глазищи большие, синие, вон как переживает.

— Подожди. Я позвоню коллеге на Варшавскую овощебазу. У них там большой недобор. Может, и дали лимиты... Ну всё, поезжай. Но имей в виду, местечко не очень.

— Но имей в виду, парень, место у нас не очень. Ты, может, сначала сходи общагу посмотри.

Серая панелька на пустыре за овощебазой встретила будущего пролетария разудалой разноголосицей из открытых по случаю жары окон. В вечернее небо вырывались «Кони» с хрипотцой Высоцкого, томно выплывал «Айсберг» Пугачёвой. Но вот всех перебил визгливый женский крик, который непревзойдённо поносил какого-то

Колю. Так же внезапно крик оборвался, явно не успев донести до слушателей всю глубину нравственного падения Коли. И, наоборот, заревел тяжёлый бас. Впрочем, и он ревел недолго и вразумительных, равно как и приличных, слов не содержал. Надлежащим образом подготовленный соискатель вакансии грузчика переступил порог общежития. В нос ударил запах еды, и он вспомнил, что ничего не ел с утра.

— Простите, вы не знаете, где комендант?

— Чё? Тебе кого? Коменданта? Да он лыка не вяжет. Слышь, сгоняй за пол-литрой, — живописный тип в сатиновых трусах и наколках поводил мутным глазом и нетвёрдо пошаркивал ногой, словно конь передним копытом, видимо, перманентно проверяя её способность поддерживать тело в горизонтальном положении.

С трудом отделавшись от требовавшего продолжения банкета аборигена, он наконец разыскал пресловутого коменданта в какой-то комнате без окон, снизу доверху заваленной банками с краской, рулонами обоев и другой полезной в хозяйстве всячиной. Комендант был, конечно, подшофе, но чтобы лыка не вязал — это преувеличение.

— Пойдём, покажу тебе хоромы, — доброжелательно отреагировал он на просьбу. — Но имей в виду, ребята щас бухие. Ты не обращай внимания. Утром будут как огурцы — на работу же!

Ребята, а их в комнате оказалось трое, четвёртая койка свободна, действительно были бухие. И прогноз коменданта насчёт огурцов вызывал большие сомнения. Это были взрослые парни, явно после армии, а возможно, и не только. Перспектива потесниться их точно не

обрадовала. Лишь один пьяно ухмыльнулся: «Во, будет кому убираться. И это... в козла забить — кворум набирается».

— Да ты не бойся, — успокаивал на обратном пути сердобольный комендант, — там Лёшка — сидевший, он в обиду по беспределу не даст. Ты его держись. Это в синей майке который.

Пацан вспомнил тяжёлое лицо на крепкой шее и царапающий взгляд. Перспектива такого соседства разительно диссонировала с его представлениями об учёбе в Москве. Да и вообще сегодняшний день походил на похмелье после вчерашней эйфории, когда хотелось обнять весь мир. А главное — ну не было места в его мечте этой серой панельной многоэтажке.

— Послушайте, а вы не знаете, где ещё можно устроиться грузчиком по лимиту? Поближе к метро «Университет». А то я на вечернее поступил, а отсюда не наездишься.

Комендант задумался. Он выглядел пронырой. Мальчик не знал, что так выглядит его судьба.

— Ща, дай сообразить. Университет, университет... Это ж Ленинский рядом, да? Ну, недалеко. «Дом ткани», а во дворе — Октябрьский райпищеторг. А общагой у них заведует Зинуля. Огонь, а не баба! Точно! Она говорила, что у них такой недобор продавцов, что по лимиту со всей страны везут. Вот куда тебе надо.

— Спасибо! А адрес там какой?

— Адрес не знаю. Найдёшь площадь Гагарина на Ленинском. Её все знают. Там памятник стоит. «Железный Юра» называется. Встанешь к нему задом, к магазину «Дом ткани» передом. По левую руку вход во двор. Там найдёшь. Зине привет!

— Нет, молодой человек, грузчики нам не нужны, — длинные чёрные ресницы испуганно вздрогнули.

В глазах — отчаяние. Начальник отдела кадров, женщина средних лет в очках и с короткой причёской, удивлённо взглянула на симпатичного юношу — совсем мальчика. За всё время своей работы она ещё не сталкивалась с таким страстным желанием потрудиться в их райпищеторге.

— Но нам требуются мясники, то есть продавцы мясных товаров. И под эту позицию мы можем предоставить лимитную прописку. Первые четыре месяца надо отработать учеником продавца. За это время выплачивается стипендия 40 рублей. А потом, в случае успешной сдачи экзаменов, присваивается квалификация младшего продавца, и зарплата будет уже 90 рублей. Ну что, согласны?

— Правда?! Ура! Что, я? Да, конечно, согласен! А в общежитие можно сегодня поселиться? Ой, ну то есть... а то мне ночевать негде. В Доме студента МГУ сегодня истекает срок для абитуриентов.

Женщина улыбнулась. В ней сработал материнский инстинкт, ей было приятно помочь непосредственному и милому мальчишке. Вот только плохо представляла она его в разрубочной перед твёрдой, как сталь, мороженой коровьей тушей с тяжёлой «тупичкой» в руках. Ну да, не боги горшки обжигают.

— Да, можете сегодня заселиться. Я подпишу направление. Но имейте в виду, в общежитии вы будете единственный мужчина. Остальные — девушки. Продавец — преимущественно женская профессия.

— А как же... — он растерялся, — а мясники? Они же мужчины.

— Да, мясники — мужчины. Но у нас все мясники — москвичи. В этом году впервые недобор случился. Так что вам повезло.

— Здорово, — но прозвучало без прежнего энтузиазма. Мальчик явно растерялся. Хотя и не мог себе объяснить, что его так напугало. Девушки — они же не кусаются. Ведь правда?

Нет, они не кусались. Наоборот, были очень милые, молодые и хорошенькие. И удивлённо выглядывали из своих комнат, когда он, пунцовый от стеснения, с потёртым чемоданчиком, в неважно выглаженной — как сумел — белой рубашке и аккуратных брючках со стрелками, шествовал по длинному общажному коридору.

Слух о том, что в общежитие поселяется мужчина, пронёсся молниеносно. Кто был источником — непонятно. Но на то он и слух, чтобы не иметь авторства. Насчёт мужчины — выглядело явным преувеличением.

Мальчик был высокий, стройный и худощавый, если не сказать худой. Но это была спортивная худоба — гибкая и сильная. Широкие плечи, узкий таз — всё предвещало, что не за горами то время, когда он превратится в породистого самца. Ну а пока наивный мальчишка смотрел на мир широко распахнутыми голубыми глазами под густыми чёрными ресницами. Румянец стеснения играл на матовых нежных щеках, ещё не знавших бритвы. Правильно очерченные скулы, высокий чистый лоб. Его

можно было бы назвать красавчиком, но от слащавости спасал некогда правильный, а теперь явно перебитый нос с белым шрамом на горбинке. Кончик носа смотрел чуть в сторону. И это делало его непохожим на пай-мальчика, но и не портило. Просто он выглядел самым собой — уличным мальчишкой, искренне расположенным к людям, но умеющим постоять за себя.

Вот наконец-то и его комната номер 32. От коридора её отделял крохотный предбанник с двумя дверями — одна его, номер 32, на другой красовалась цифра 33. В этом предбаннике он и столкнулся нос к носу с выплывшей из второй двери молодой холёной хищницей. Словно акула в глубинах океана, она двигалась плавно и грациозно. Домашний халатик едва застёгивался на дерзко выпиравшей высокой груди. Далее, свободно струясь по узкой сильной талии, халатик снова начинал натягиваться чуть пониже спины. Казалось, стоит дотронуться — и ткань лопнет, с сухим треском отскочат пуговицы и... А под халатиком-то ничего и нет! Из белья, в смысле. Нет, он этого не мог знать, но почему-то был уверен. Мальчик остолбенел, хищница удивилась.

— Простите, это комната тридцать два? — и он глупо ткнул пальцем в цифру 32.

Глубокий грудной смех, сопровождавшийся невыносимыми колебаниями в глубинах халатика, привёл его в невозможное замешательство. Чувствуя, что краснеет, он с ужасом почувствовал ещё один, гораздо больший повод для конфуза. В паху стремительно набухало, и теперь уже его отглаженные брючки грозили лопнуть по шву. Неловко прикрывшись чемоданчиком, он стремительно рванул ручку двери на себя и, ни слова больше не говоря,

нырнул в спасительную пустоту своей комнаты. К панике, обуявшей его, примешивалось какое-то новое, незнакомо-терпкое чувство. В груди замирало, а потом толчками распространялось по всему телу. И эпицентр толчков находился вовсе не в груди.

— Алло, привет! Я в общагу поселился. Тут одни девчонки. У меня в комнате ещё две кровати свободные. Хотите — приезжайте с Валеркой. Адрес запомнил? Это недалеко от метро «Шаболовская». Давайте, жду! — он положил тяжёлую металлическую трубку на рычаг и невольно улыбнулся. На душе стало спокойнее. Через пару часов приедут Олег с Валеркой.

С ребятами он познакомился во время сдачи вступительных экзаменов в МГУ. Олег был из Запорожья. Шустрый и общительный, он первый подошёл к нему перед консультацией и начал задавать массу вопросов. Вопросы были очень практичные и в голову самому Ромке просто не приходили. Его самого волновал только один вопрос — поступит он или нет. И ответ на него был жизненно важен. Точнее, он даже не задумывался, что будет, если он не поступит. Такая опция в его планах на жизнь просто отсутствовала. Ему достаточно было сдать первый экзамен, математику, на пятёрку — и он зачислен. Медаль, золотая медаль, первая в его школе за одиннадцать лет, вот что он считал своим козырем. Олег, однако, быстро развеял его иллюзии. Из пятисот абитуриентов, общил он, золотых медалистов около двухсот. Мест же на их специальность всего двадцать пять. Причём четыре

места зарезервированы под нацкадры, то есть представителей союзных республик, а ещё четыре — под выпускников рабфака, ребят, имевших армейский или трудовой стаж и окончивших подготовительное отделение. Так что остаётся семнадцать. По одному на тридцать абитуриентов. И на одиннадцать медалистов.

Настроение упало. «И откуда он всё это знает?» — подумал расстроенный Ромка. Он не рассчитывал на такую конкуренцию. Нет, он, конечно, знал, что экономический факультет МГУ — один такой на весь трёхсотмиллионный Союз. А по выбранной им специальности — «планирование народного хозяйства СССР» — набирается единственная группа. Но из Пензы всё это выглядело как-то иначе. Радужнее. Теперь же, стоя среди сотен таких же умных и честолюбивых мальчишек и девчонок со всех концов необъятной родины, он впервые осознал, на что замахнулся.

Оказалось, что, пока Ромка с утра до ночи решал бесконечные дифференциальные уравнения из раздобытого уже здесь, в Москве, сборника для поступающих, Олег крутился вокруг факультетской избирательной комиссии, завёл там полезные знакомства, преимущественно среди девчонок-лаборанток, и был доверху нагружен всевозможными околоэкзаменационными слухами. Так, он поведал, что среди поступающих масса блатных. Есть даже дети министров и членов ЦК! И, тс-с, то ли дочка, то ли внучка кандидата в члены Политбюро! Такого удара под дых Ромка точно не ожидал. Он знал фамилии и краткие биографии всех членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Их портреты висели во всех школах и общественных местах страны. Суровые и значительные лица с выраженными носогубными складками, казалось,

внимательно вглядываются в широкие народные массы, стремясь определить степень их, масс, преданности партии. Они — всего два десятка человек — управляли огромной страной и держали за горло весь остальной мир. Да как он вообще решился со свиным-то рылом да в такое место? Олега же, казалось, ничто не смущало.

«Прикинь, вот круто было бы познакомиться! — ничтоже сумняшеся заявлял он. — Только как тут её вычислишь?» Сами экзамены, похоже, его не сильно волновали. «Главное, „банан“ не словить. А если сдашь все экзамены, то с этими баллами из МГУ куда хочешь вне конкурса возьмут», — ещё одна новая, хоть и не проверенная информация. И если раньше Ромка даже в мыслях не допускал такой возможности, то теперь задумался: «А что я буду делать, если не поступлю?»

Вообще-то один компромисс он уже допустил — ведь он не собирался поступать в МГУ. Да-да. А собирался он — вы только не смейтесь, пожалуйста, — в святая святых. Да ладно, чего уж там — прямо в МИМО. От этой аббревиатуры у него привычно захватило дух. Московский институт международных отношений. Вот это последнее словосочетание — «международные отношения» — это и было его мечтой.

Начиная с восьмого класса он при каждой возможности наведывался в магазин политической литературы. И там подолгу простаивал у полки издательства «Международные отношения». Он смотрел на корешки книг и мысленно переносился туда — на поля невидимых и бесшумных, но бесконечно ожесточённых дипломатических сражений. Наша страна, весь лагерь социализма находится в кольце врагов. Они агрессивны, они сильны и вероломны. Они

готовы на подлость и не готовы признать очевидное — смена эпох неизбежна. Их время заканчивается — такова парадигма социальной эволюции. Это бесспорно доказали пролетарские классики во главе с Марксом, Энгельсом и Лениным — некоторые самые важные работы Ленина он знал почти наизусть. Но им есть что терять. Всем этим капиталистам-эксплуататорам. Конечно, столько лет они угнетали свои народы, грабили колониальные страны. И, чтобы сохранить награбленное, они дурят собственный пролетариат, держат его в неведении, скрывают или искажают очевидные факты. Надо же придумать такое, СССР — агрессор. Да Советский Союз неустанно борется за мир во всём мире! Это всем известно. Именно наши дипломаты, находящиеся на переднем крае борьбы, доносят правду до простых трудящихся по всей планете. Противостоят этой наглой и лживой пропаганде.

Он очнулся от воспоминаний. Ничего, зато сам не заметил, как вытер пыль в комнате и разложил вещи. Это было несложно — комната невелика и вещей негусто. Ещё бы полы протереть, но для этого надо раздобыть ведро или тазик с тряпкой, а значит, снова выбираться из своего убежища. Он и сам не мог толком объяснить, почему вдруг заробел перед противоположным полом. Вообще-то он всегда был довольно боек в общении. И с девчонками в том числе. Но то были знакомые девчонки-ровесницы — в классе, во дворе, в пионерлагере. И сам он находился в компании пацанов. Так и общались компания на компанию. Опыт общения тет-а-тет тоже имелся, конечно, но был менее богат.

Серьёзно он влюблялся раз пять. Смотря что понимать под словом «серьёзно». Но трудности с засыпанием

и уверенность, что она — лучшая на свете, как минимум. Потеря аппетита и даже температура — это уже тяжёлый случай, и он произошёл лишь однажды. Желание оказаться с той или иной незнакомой девочкой на необитаемом острове, когда весь остальной мир вдруг исчезнет, посещало чуть ли не ежедневно ещё с детского сада. Вот такой разброс критериев для определения одного чувства — любви.

Одноклассница Ленка Воронова сводила его с ума с четвёртого по восьмой класс с тремя или четырьмя перерывами. Это была классическая болезненная безответная любовь. Он любил её. Она любила Серёжку Филина. А Серёжка Филин не любил никого, потому что был самым красивым мальчиком в школе и не понимал, зачем кого-то любить, если все и так его любят. Ситуация усугублялась тем, что Фил был одним из его лучших друзей и частенько делился подробностями, как девочки бегают за ним, и Воронова в том числе. Это было мучительно. Мозг искал выход — и периодически находил.

После шестого класса, в пионерлагере, он в первый же день, когда ещё ехали в автобусе, влюбился в красивую девочку. И, о чудо, она тоже обратила на него внимание. Два дня он ходил с ней за ручку, не обращая внимания на насмешки пацанов. А на третий они даже поцеловались. В кустах, когда все собирали чернику. Одновременно потянулись за одной ягодой, стукнулись лбами, расхохотались, их лица оказались невыносимо близко. Неожиданно её глаза перестали смеяться и сделались вдруг серьёзными и немножко тревожными, а потом она их закрыла, и её губы заслонили всё вокруг. Сначала он почувствовал её дыхание на своих губах, а потом терпкий вкус ягод и солнца.

Но счастье оказалось недолговечно, как любое настоящее счастье. В этот же день выяснилось, что у девочки имеется дыхатель из старшего отряда и они даже встречались в прошлом году. Он поинтересовался, что она об этом думает. Девочка ответила, что это дело прошлое, а сейчас она любит только его. На седьмом небе от счастья, он позабыл не только Воронову, но и всё на свете. Свежие, пахнущие летом и ягодами губы Гали Постниковой заслонили весь остальной мир.

Но с этим не согласился отвергнутый ухажёр. Он был на два года старше, что в том возрасте весьма существенно. Ромку вызвали на улицу во время тихого часа. Там в кустах поджидал соперник с друзьями из своего отряда. К счастью, они оказались благородных наклонностей и постановили, что драться надлежит один на один. Было страшно, но уклониться не было ни малейшей возможности. Её лицо со вздёрнутым носиком, милыми веснушками и бездонными доверчивыми глазами стояло перед мысленным взором, когда он вышел и неожиданно быстро и складно навалил старшему товарищу. Как говорится, глаза боятся, а руки делают. Наверное, помогли занятия боксом, но главное, конечно, настрой. Он не мог проиграть. Старшие пацаны были обескуражены, они ожидали нравоучительного избияния, и они его получили, но с неожиданным финалом — их приятель с разбитым носом и со слезами на глазах убежал в лес. Что само по себе немислимо. А главное, от кого — от малолетки!

Новость моментально разнеслась по лагерю, и он стал героем. Однако история на этом не закончилась. Вечером на дискотеку приехала толпа совсем взрослых парней на мотоциклах из соседней татарской деревни. Они искали

его. Это не укладывалось в голове и не укладывалось в положения устава ленинского комсомола, членами которого большинство из них наверняка являлись. Директор лагеря, женщина, спрятала его в пустом медпункте. Когда она закрывала хлипкую стеклянную дверь на ключ с противоположной стороны, он увидел, как дрожат её губы.

Было не просто страшно. Было очень страшно. Фары мотоциклов освещали тёмный лагерь. Дискотеку прервали, вожатые увели детей в корпус. По пустым тёмным дорожкам между корпусов бродили пьяные парни с папиросками в зубах, брюки заправлены в резиновые сапоги, на головах кепки, руки в карманах. Они шумно и непонятно переговаривались между собой, периодически вставляя русскую ненормативную лексику. Трудно было поверить, что всё происходящее — из-за него. Директриса с завхозом тщетно уговаривали их покинуть территорию. Они зло смеялись в ответ и делали вид, что не понимают.

Наконец приехал вызванный участковый. Он был местный, тоже татарин. Ему быстро удалось разрешить ситуацию. Парни уехали. Тёмный лагерь испуганно молчал.

Наутро их обоих отвезли в город и отправили по домам. По дороге незадачливый соперник — а он тоже был напуган — рассказал, что пожаловался своему дальнему родственнику из той самой деревни, что его избili. Тот пообещал разобраться. А вышло вон оно как! И что же теперь будет? А Галя, между прочим, ему совсем не нравится.

Из лагеря их отчислили. Формально за драку. Историю замяли. А счастье было так близко!

С улицы в открытое окно влетело: «Ромка! Ромка!» Наконец-то. Он горохом скатился с лестницы.